

МУЖИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ОХОТНИКОМ

«Недавно вот завел седьмую жену — Марину»

Максима Дунаевского можно смело назвать патриархом отечественного мюзикла и продолжателем музыкальных традиций своего великого отца, композитора Исаака Дунаевского. Его песни из «Трех мушкетеров», «Мэри Поппинс», «Карнавала» так же, как и песни его отца, после первого же исполнения становились шлягерами, которые распеваала вся страна.

Всех, Москва, 2008. 16 ЯНВ. — С. 5
Марина НЕВЗОРОВА

Максим ДУНАЕВСКИЙ: предварительные итоги

— Скажите, Максим Исаакович, вам очень мешало то, что вы сын Дунаевского? Приходилось доказывать, что вы — самостоятельная творческая личность?

— Очень соблазнительно сказать: да, конечно, фамилия великого отца мешала. Но нет. И я вам скажу почему. Мне повезло, что в нашей семье никакой «звездности», как сейчас бы сказали, и не пахло. Меня воспитывали, как самого обыкновенного ребенка, а не как сына гениального композитора. К папе в семье тоже относились без особого придыхания: любили, уважали, но пылинки не сдували и на цыпочках не ходили. Мне никогда даже в голову не могло прийти сказать: «А вы знаете, кто я? Я — сын Дунаевского». На это в семье было наложено табу и, думаю, что именно это придало мне отваги не только стать композитором, но и работать в тех же жанрах, что и отец. Я даже не думал о том, что вступаю в острое соперничество, которое могу и не выдержать. Хотя у меня была возможность заняться другими жанрами. Я писал симфоническую музыку (говорили, неплохую), учился в консерватории у гениальных мастеров: Дмитрия Кабалевского, Альфреда Шнитке, Андрея Эшпая, Тихона Хренникова, Николая Ракова. Кстати, это тоже избавило меня от комплексов, которые все-таки сидели в подсознании. «Разве стали бы такие люди, — думал я, — вкладывать столько сил и времени в какое-нибудь ничтожество? Значит, я тоже чего-то стою».

— Все у вас в СССР складывалось замечательно — вы были архи-популярны, вас любили женщины, и вдруг в самом начале перестройки вы уезжаете.

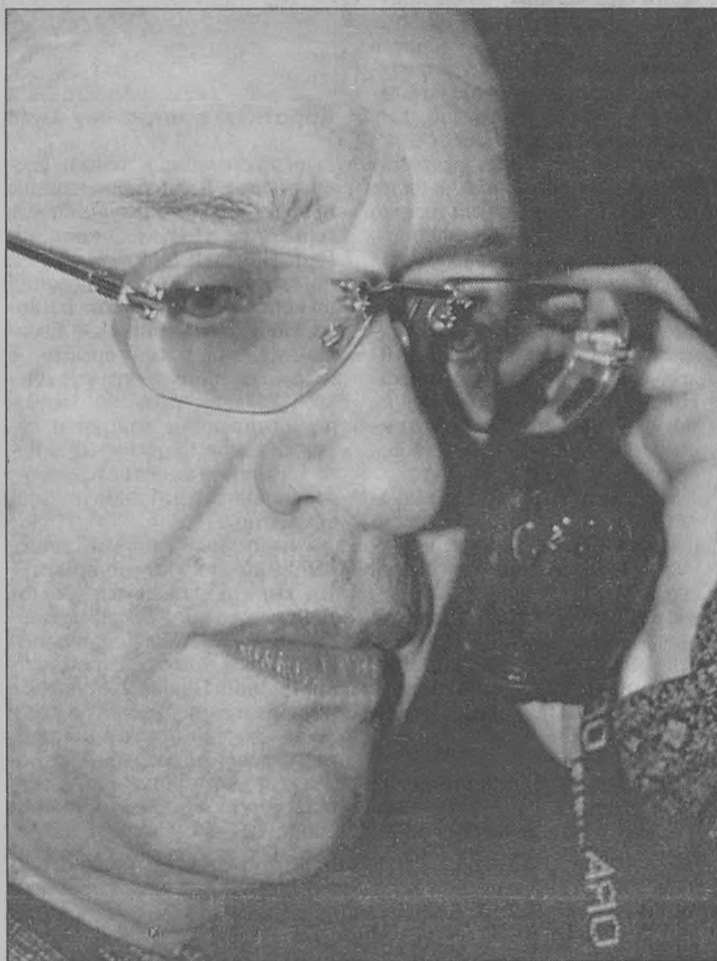
— Начало 90-х ознаменовалось тем, что в моей квартире заглох телефон. Перестали звонить режиссеры, редакторы. Перестали сниматься фильмы. В поп-музыке тоже все перевернулось чисто большевистски: кто был ничем, тот стал вдруг всем. На этом празднике самодельности профессионалы стали не нужны. И я решил, что надо немедленно что-то предпринять, чтобы не потерять, и рванул в Америку.

— Почему Америка, а не Европа или Израиль?

— Европа строго соблюдает свои национальные интересы и неохотно пускает чужаков. Израиль тогда был просто российско-украинской провинцией, с таким же успехом можно было поехать в Черновцы или в Винницу. Так что Америка — единственная страна, где нормально относятся к новоприбывшим, потому что она исторически складывалась как страна эмигрантов.

— Вы наверняка на что-то надеялись?

— Я надеялся, что мой профессионализм, опыт, образование позволят мне пробиться, что я смогу что-то сделать в Голливуде. Не удалось. Во все я там окунулся — и в хорошее, и в дерьмо. За девять лет написал музыку к двум фильмам. Сделал телевизионные работы, пару продюсерских про-

ектов, связанных с Россией. Много это или мало? Не знаю. В любом случае это бесценный опыт и профессиональный, и человеческий. Я ни о чем не жалею. Я не был одержим идеями во что бы то ни стало жить в Америке, даже если придется работать тапером в ресторане. Нет. Я просто в очередной раз экспериментировал со своей жизнью. И все время был одной ногой здесь, другой там. Это тоже плохо, потому что когда ты там, тебя здесь начинают забывать, пока ты здесь — там теряешь контакты. Из-за своего «фигаризма» я потерял известного теперь фильм с Аль Пачино «Аромат женщины», к которому я должен был писать музыку, просто потому, что меня в тот момент не было в Америке. И жену.

— Простите, какую?

— Пятую. Она не захотела там жить.

— А сколько у вас вообще было жен?

— Недавно вот завел седьмую — Марину.

— Как вы справляетесь с неудачами и потерями?

— Я вообще-то жизнелюбивый, оптимистичный человек. Хотя неудачи переживаю очень тяжело. Бывает, вапаю в депрессию, но ненадолго.

— А как выпадаете?

— Ничего специального не делаю, просто говорю себе: надо что-то делать. Кроме работы, нет другого способа изменить ситуацию.

— Как менялись ваши жизненные приоритеты? Что было самым главным в 20, 30, 40 лет?

— В 20 лет, как ни странно, я не хотел ни стать звездой, ни добиться каких-то невероятных результатов на каком-то поприще. Ни о какой семье я не думал. Я пахал, пахал и пахал. Я знал, что до 25 лет мне надо вкалывать, а после 25 — работать. Работать и получать зарплату я начал в 18 лет в театре у Марка Розовского. Там я «самовыражался» всюю, написал первые песни. Но тут же был наказан за творческие вольности: от меня отказался мой учитель Дмитрий Кабалевский — не простил измену классике. Но зато я приобрел профессиональную уверенность — московская публика буквально ломилась на спектакли Розовского, и я считал, что раз зрителям это нравится, значит, я иду правильной дорогой.

В 22 года я все-таки женился. Совершенно случайно. Встретил девочку, влюбился. Конечно, наш брак очень быстро распался. Категорически нельзя жениться на ровесницах. Женщина должна быть моложе лет на десять. После сорока этот разрыв можно увеличивать. В 25 я закончил консерваторию и уже был готов к тому, что симфонист из меня не получится. Но именно симфоническая музыка мне помогла во всех моих дальнейших работах — она развила необходимое и для кино, и для мюзикла музыкальное драматургическое мышление и научила ра-

ботать с оркестром. К 30 годам появились первые работы в кино и театре. О «звездности» я по-прежнему не задумывался, появилась более прозаическая цель — зарабатывать приличные деньги. И я стал их зарабатывать. Я всегда испытывал дискомфорт от отсутствия денег, как всякий нормальный мужчина. Мужик должен быть мужиком. Охотником..

А с 30 уже захотелось обзавестись семьей. Обычно у людей, которые занимаются творчеством, женами становятся женщины, которые рядом с тобой работают, — актрисы, балерины. Кстати, это не только у нас, так и в Голливуде. Снял кино — женился. Через два года снял другое, опять женился. Можно назвать это распушенностью, а можно — влюбленностью. Я знаю, что такое влюбленность. Влюбляешься не только в женщину — в ее талант, тебя восхищает, что она еще что-то умеет делать, а не только демонстрировать красивые ноги. И наступил в моей жизни период чехарды в отношениях с дамами и достаточной чехарды в творчестве. Хотя это период моего расцвета. Десятилетие с 35 до 45 лет было у меня самым плохим. За это время я сделал наибольшее количество фильмов и написал самые лучшие песни, почти все стали шлягерами. Выпущено 17 дисков. Написано несколько мюзиклов. И произошло настоящее становление личности. Я почувствовал, что ответствен и за себя, и за свою жизнь, и за жизнь людей, для которых работаю. Я говорю о публике. Я позволяю себе делать низкопробные вещи. Это было десятилетие, когда я хотел быть чистым перед совестью, и в основном мне это удавалось.

— А потом?

— 90-е годы, с одной стороны, тоже счастливое время в моей жизни, я познал очень много нового, но с другой, я был слегка растерян. До этого я уже сделал все, что мог, а что же дальше? Ну еще одна песня, ну еще спектакль, а дальше-то? Я исключаю из этого перечня всякие награды и прочую суету, которые так ценятся многими, а для меня никогда особенного значения не имели. Но вот того, что я окажусь практически невостребованным в профессии, честно скажу, никак не ожидал. Так что начало 90-х — самые большие разочарования в моей жизни. Я достаточно трезво себя оцениваю. Я не говорю, как многие: я гений неогенный. Ни в коем случае. Не гений. И достаточно оцененный. Я знаю, что я очень много могу сделать и в музыке, и в шоу-бизнесе. У меня сердце болит, когда я смотрю сегодняшние сериалы. Я иногда думаю: «Боже мой, я — мастер, который на голливудском уровне может сделать любую картину, просиживаю штаны у себя дома, а неизвестно кто наиграва-

ет на синтезаторе какую-то чушь, и режиссеры принимают это за музыку!» Я вижу, как разрушается из-за этого фильм. Весь мир давно уже понял, какой грандиозный элемент — музыка в кино. Очень часто самый плохой фильм спасает музыка. У нас на такое мастерство сегодня способен Леша Рыбников, но он не работает вообще, его не видно и не слышно. Гладков, у которого блистательные работы в кино, где он? Да больше, пожалуй, и назвать никого не могу. Сейчас один за другим возникают мюзиклы, и меня просто оторопь берет, когда я слышу, что спектакль удался, правда, музыки нет, хита нет, а так все хорошо. И под такую ерунду дают миллионы долларов! А сколько проектов я предлагал, и все вроде бы уходило в песок, а потом возникало как бы из ничего, и кто-то зарабатывал на моих идеях колоссальные деньги.

— Ну а в личном плане? Неужели тоже один разочарования?

— Были и серьезные разочарования. Были и попытки связать свою жизнь с очень хорошими женщинами. В это десятилетие я как раз прожил с одной из своих жен, актрисой Ольгой Даниловой, наиболее длительный период — пять лет. Она по моему настоянию переквалифицировалась из манекенщицы в актрису, а потом выпорхнула из гнезда. Вот такой из меня получился профессор Хиггинс.

— Как же это вы упустили девушку?

— Надо было держать в золотой клетке... Потом пошла полоса неудач. А вот конец десятилетия, надеюсь, ознаменовался удачей. Я встретил женщину, молодую. Как всегда, красивую. И надеюсь, что это навсегда.

— Так что вы осознали, наконец, ценность семьи?

— Пока я даже самому себе не могу ответить, что значит для меня семья. Ситуация парадоксальная. С одной стороны, мне 56 лет — пора подводить итоги, хотя бы предварительные. С другой стороны, жизнь семейная только начинается и постепенно становится неотъемлемой частью бытия. Возможно, родится ребенок...

— Да, в смелости вам не откажется.

— Смелость здесь ни при чем. Я просто не чувствую возраста. И это, видимо, и позволяет, не комплексуя, жениться на молодой женщине. А ей — быть со мной. Хотя, конечно, это вещь очень зыбкая. Потому что если завтра грянет какой-нибудь недуг...

— И все-таки, как ни странно это звучит, сейчас для вас самое главное — найти себя?

— Да. Не так уже много времени осталось. Я не могу себе позволить работать по два-три часа в день, а потом отдыхать и мерить себе давление. А для напряженной работы, пока я еще могу писать дни и ночи напролет, осталось не так много лет.